

Трибуна соискателя

DOI:10.31857/S032150750010863-1

СУЩЕСТВУЕТ ЛИ «БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ МОНАРХИЧЕСКИЙ АВТОРИТАРИЗМ» ПОСЛЕ «АРАБСКОЙ ВЕСНЫ»?

© 2020 А. ХОХЛОВА

ХОХЛОВА Алина Александровна, аспирантка, Школа политологии НИУ ВШЭ (khokhlova.alina@gmail.com)

Резюме. Применима ли концепция «ближневосточного монархического авторитаризма» к странам БВСА после «арабской весны»? В работе критически оценивается возможность оперирования ею, особенно после турбулентности 2011-2013 г. В результате сравнения уровней политических прав и гражданских свобод в арабских монархиях предлагается альтернативный подход к классификации стран региона в виде ближневосточных «несвободных» и «частично свободных» монархий.

Ключевые слова: БВСА, ближневосточный монархический авторитаризм, арабские монархии, политические режимы, «арабская весна»

«MIDDLE EASTERN MONARCHICAL AUTHORITARIANISM». IS THIS CONCEPT RELEVANT AFTER ARAB SPRING?

Alina A. KHOKHLOVA, Post-graduate student, School of Political Science, National Research University Higher School of Economics (khokhlova.alina@gmail.com)

Abstract. Middle Eastern and North African (MENA) monarchies regime survival during the Arab spring of 2011-2013, resumed the discussion about «Middle Eastern monarchical authoritarianism». The literature review on MENA monarchies classifications shows that while little has been done to empower this concept in political science vocabulary, other classifications of MENA monarchies are more common in use, and prevail in publications just like parliamentary and non-parliamentary monarchies. Can this concept of the «Middle Eastern monarchical authoritarianism» be applied to MENA countries after the political destabilization of the Arab spring? The article provides the concept criteria criticism, as some of those criteria turn out to be irrelevant for some MENA monarchies in 2020.

It is argued that MENA monarchies can be classified into two different regime groups within the Arab countries. It is shown that it is more practical to distinguish MENA monarchies regimes between Middle Eastern not free monarchies and Middle Eastern partially free monarchies, as these concepts reflect political regimes' difference inside Arab groups. The result was achieved on the basis of political freedom rates comparison for MENA monarchies between 2005-2010 and 2014-2019, taken from Freedom in the World statistics.

In the paper, it is also claimed that monarchies classification on parliamentary and non-parliamentary monarchies is also relevant when the country is regarded as parliamentary when its lower house elected body has the right to initiate laws.

Keywords: «Middle Eastern monarchical authoritarianism», MENA, political regimes, Arab monarchies, Arab Spring

«Арабская весна» 2011-2013 гг. оказала значительный дестабилизирующий эффект на ряд арабских республик, приведя к падению режимов сразу в четырех из них (в Тунисе, Египте, Йемене и Ливии), а также к полномасштабной гражданской войне в Сирии. Несмотря на это, монархии Ближнего Востока и Северной Африки (БВСА) сумели выстоять в период серьезной турбулентности, хотя некоторые [16] предвещали их скорый конец после падения «пожизненных арабских президентов» [24].

В связи с этим ряд исследователей возобновляют старый дискурс об особенностях социально-политического развития монархий БВСА, зачастую объединяя их в «ближневосточный монархический авторитарный подтип режимов» [8; 27; 28].

В 2004 г. Р.Лукас, американский профессор политологии и международных отношений, одним

из первых заговорил об этом подтипе, приведя четыре общие для режимов монархий БВСА черты: «Каждый может четко объединить монархии БВСА в подтип авторитарного режима по признакам допустимости некоторого политического плюрализма, наличия “красных линий”, конституционных ограничений власти правителей и культурно-традиционной легитимности режимов» [23].

Являются ли приведенные характеристики «ближневосточного монархического авторитаризма» актуальными в 2020 г. - после «арабской весны» и ряда внутренних политических турбулентностей?

По нашему мнению, приведенные Р.Лукасом критерии недостаточны для использования после 2011-2013 гг. Во-вторых, в результате сравнения уровней политических прав и гражданских сво-

бод в странах БВСА предполагается, что использование концепции ближневосточных «несвободных» и «частично свободных» монархий (подробнее об этом - ниже) является более практичным для изучения социально-политического развития стран БВСА. Наконец, считаем, что критерий «парламентских» и «непарламентских» монархий является рабочим в том случае, если «парламентской» монархия считается лишь тогда, когда выборный орган имеет право законодательной инициативы.

О ПРОБЛЕМЕ В ПУБЛИКАЦИЯХ

«Мы будем плодить и увековечивать ошибки до тех пор, пока не перестанем пользоваться языком, несущим в себе ошибочные теории», - говорил лауреат Нобелевской премии по экономике Ф.Хайек [6, с. 186]. Его фраза точно характеризует поднятую нами в этой статье проблему, о которой в литературе, как русскоязычной, так и англоязычной, говорится крайне мало. При этом авторы некоторых работ оперируют концепцией «ближневосточный монархический авторитаризм» на протяжении нескольких десятилетий, лишая тем самым, по нашему мнению, отдельные страны-монархии региона констатации какого-либо либерального прогресса. В использовании этой концепции есть то противоречие, о котором говорил американский философ арабского происхождения Э.Саид, критикуя западную концепцию «ориентализма» [25]¹.

При этом к 2020 г. концепция «ближневосточный монархический авторитаризм» требует конкретики от входящих в нее понятий: «ближневосточный» и «авторитаризм».

Так, российский политолог Т.Махмутов и эксперт Российского совета по международным делам (РСМД) Р.Мамедов отказались от использования концепции «Ближний Восток» в пользу «Западной Азии», чтобы вывести на передний план региональные и международные аспекты безопасности [3]. Критикуя эту политику «отделения Северной Африки от региона, объединяемого культурным и лингвистическим единством», с ними все же соглашаются востоковед Г.Исаев и историк А.Сотниченко на определение Юго-Западной Азии [2]. Третьи настаивают на историко-географическом подходе и включают в «Ближний Восток» Афганистан и Пакистан, аргументируя это вовлеченностью двух стран в региональные процессы [1].

Достаточно лишь приведенных примеров, чтобы доказать, что использование определения

«ближневосточный» уже несет в себе груз необходимости чуть ли не конкретизации входящих в концепцию «ближневосточного монархического авторитаризма» стран, что обходит стороной Р.Лукас. При этом он отдал должное понятию «авторитарный» в своей работе, отделив его от «султанского» типа [23, pp. 104-105].

Тем не менее, в литературе о монархиях БВСА существует множество способов их классификации по другим критериям, которые также пользуются более широкой приемственностью в исследованиях.

Специалисты разделяли монархии по принципам включения членов семьи в правительственный аппарат или исключения из него, т.е. на «не династические» и «династические». Авторство идеи принадлежит М.Гербу - американскому политологу, одному из наиболее цитируемых на Западе по теме монархий БВСА благодаря своему тезису «Все в семье» (1999 г.) [20]. В своем исследовании он отмечает, что наличие обильных ресурсов не гарантирует политическую стабильность, лишь указывает на маловероятность демократизации этих стран. Основным критерием является включение правящей семьи в правительственный аппарат или выборный орган или исключение из них. По его мнению, этот фактор был решающим в падении монархии Пахлеви в Иране. Значимость сохранения единства клана Саудитов отмечал в своих работах классик отечественного востоковедения А.М.Васильев [29, с. 515; 30].

В отечественной науке востоковед М.Сапронова также отмечала, что особая роль в политических системах монархий принадлежит не только правителям, но и их семьям. Более того, еще до событий 2011-2013 гг. она справедливо указывала на то, что монархии БВСА делились не только на аравийские и не аравийские, но также и внутри аравийской подгруппы. Например, режимы КСА, Бахрейна и Омана утвердились в результате внутренней борьбы, в итоге они отличаются «большим консерватизмом и жестокостью», когда «более спокойная политическая история» Кувейта привела к формированию первого выборного органа. М.Сапронова рассматривала Марокко и Иорданию как «дуалистические» монархии, подчеркивая, что первая являлась самой либеральной среди всех монархий БВСА в политическом отношении [4, с. 68-70].

Исследователи также разделяют монархии БВСА по критерию «парламентские» или

¹ В своей работе Э.Саид объясняет, что в ориентализме присутствует предвзятость в обсуждении тем Востока, арабов, ислама. Он считает, что в нем изначально заложена империалистическая направленность (*прим. авт.*).

«непарламентские». Отечественный востоковед К.Труевцев выделял среди республик и монархий БВСА Иорданию и Марокко наряду с республиканскими Тунисом и Египтом, заявляя, что только в них, помимо господствующих авторитарных институтов, имеются связанные с представительной демократией институты. При всем этом лишь в Марокко и Иордании имеет место «реальная многопартийность, конкурентная борьба партий на выборах» [5, с. 158]. К.Труевцев считает, что принципы и механизмы функционирования этих систем в двух монархиях схожи с западными.

М.Сапронова также отмечала значимость наличия выборного законодательного органа. Она использовала понятия «абсолютные и дуалистические», отмечая, что в обоих типах власть монарха является «практически неограниченной» и распространяется на все сферы общественной и государственной жизни [4, с. 68-70]. При этом «в парламентарных монархиях королю приходится делить часть своих полномочий, особенно в законодательной и финансовой сфере, с парламентом и правительством. Однако и при этих условиях король остается центральным институтом государственной власти, обладая существенными полномочиями во всех сферах государственной жизни и фактически определяя внутренний и внешний курс страны» [4, с. 68-70].

Уже после событий «арабской весны» исследователи вновь обратились к результатам М.Герба, связанным с делением монархий на «не династические» и «династические», выделив третий вид - «гибридных» монархий, таких как Оман. Султанат имеет скромный, по сравнению с КСА, запас ресурсов, доходами от которых режим воспользовался для противостояния демонстрантам во время турбулентности 2011-2013 гг. Этих мер оказалось недостаточно, поэтому режиму пришлось идти на уступки в виде реформ, чтобы сохранить власть [7].

Из этого набора публикаций видно, что упомянутые исследователи не стремятся акцентировать внимание на объединяющем монархии подтипе режима, уделяя внимание разнообразию государственного устройства и механизмам государственного управления.

С 2011 г. монархии БВСА и за пределами региона все больше различаются на «парламентские» и «не парламентские». Американский политолог А.Лоуренс в своем исследовании также приходит к выводу, что 2011 г. доказал возможность либерального политического будущего за теми монархиями, которые могут быть названы конституционными [22]. Этот вывод частично

подтверждает норвежский исследователь Э.Ставестранд, который отстаивает тот факт, что монархии БВСА и Азиатско-Тихоокеанского региона (АТР), в общем, имеют более высокий уровень либерализации. Более того, его исследование показало, что монархии БВСА более стабильны по сравнению с теми, что существуют в АТР. Поэтому те трансформировались в конституционные монархии в последние десятилетия, либо пали. По его мнению, в монархиях БВСА не предвидится смены политических режимов [26].

Таким образом, существует множество классификаций режимов БВСА, среди них определенной преемственностью сквозь десятилетия и после значительных политических турбулентностей пользуются такие классификации, как «не династические» и «династические», а также «парламентские» и «не парламентские». При том, что концепция «ближневосточного монархического авторитаризма» имеет популярность у исследователей [8; 27; 28], посвященные обоснованию создания этой концепции работы крайне малочисленны.

КРИТИКА КРИТЕРИЕВ БЛИЖНЕВОСТОЧНОГО МОНАРХИЧЕСКОГО ПОДТИПА РЕЖИМА

Еще раз рассмотрим критерии «ближневосточного подтипа авторитарного режима», предложенные Р.Лукасом: 1) Ближневосточные монархии могут терпеть некоторую степень политического плюрализма в обществе. Политический плюрализм допускают монархии и за пределами региона, но в монархиях БВСА имеется своя специфика; 2) Большинство из этих монархий склонны сохранять некоторые социальные и культурные «традиции»; 3) Существуют свои «красные линии», опасные для авторитарной власти; 4) Власть правителей ограничена конституциями [23, pp. 107-108].

Проверка критериев может происходить двумя способами: один из них - через применимость критериев к странам региона. Предлагается изучить, каким образом власть короля ограничена в «Основах системы власти Королевства Саудовская Аравия» 1992 г. или в конституции Бахрейна (раз они входят в Ближний Восток, и на них распространяется критерий «ближневосточного монархического» типа авторитарного режима), если она действительно ограничена. Второй способ - через применимость этих критериев к странам других регионов. В данной работе будет использован первый метод.

Ограничена ли королевская власть конституцией в КСА? Существует солидный список работ,

Таблица 1

PR/CL в монархиях БВСА (2005-2010 гг.)

Страна	2005	2006	2007	2008	2009	2010
Бахрейн	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
Иордания	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
Катар	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
Кувейт	4/5 (4,5-ЧС)	4/4 (4-ЧС)	4/4 (4-ЧС)	4/4 (4-ЧС)	4/4 (4-ЧС)	4/5 (4,5-ЧС)
Марокко	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)
Оман	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
ОАЭ	6/6 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
КСА	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)

Составлено автором по: Freedom in the World. Country and Territory Ratings and Statuses, 1973-2020.

признающих, что в КСА власть разделена между государством и *уляма*² [см., напр.: 9; 21].

Как пишет в своих работах отечественный востоковед А.М.Васильев, ярким историческим подтверждением факта обладания *уляма* немалой политической властью служит то, что решение о свержении трона ас-Сауда было одобрено фетвой улемов перед политическим переворотом в Саудовской Аравии в 1964 г., проведенного королем Фейсалом [29, с. 518]³. При этом при изучении «Основ системы власти Королевства Саудовская Аравия» (документ, который фактически является основным законом страны) выясняется, что, согласно ст. 44, король является высшей инстанцией трех ветвей власти: законодательной, исполнительной и судебной. В соответствии с ст. 60 основного закона КСА, король является главнокомандующим вооруженных сил [14]. Те же нормы с фактическим отсутствием разделения властей прописаны в конституции Бахрейна: в соответствии с гл. 2, п. 2 и ст. 33, король является высшей инстанцией законодательной, исполнительной и судебной власти [10].

Таким образом, критерий Р.Лукаса об ограничении власти королевского двора становится нерелевантным, что порождает необходимость в других критериях или же новом подходе к определению тенденций социально-политического развития БВСА.

УРОВНИ ПОЛИТИЧЕСКИХ СВОБОД В МОНАРХИЯХ БВСА

При исследовании авторитарных режимов монархий БВСА следует оценить, как реализуется степень авторитаризма на практике - т.е. сравним уровни политических прав и гражданских свобод в выбранных странах.

Обратимся к уровню политических прав (*Political Rights - PR*) и гражданских свобод (*Civil Liberties - CL*) в монархиях до и после событий «арабской весны» 2011-2013 гг. Состояние свобод в исследуемых странах оценивается по 7-балльной шкале (от 1 до 7), где 1 балл — самый высокий показатель, а 7 баллов — самый низкий. Затем показатели двух шкал для каждой страны складываются и делятся пополам. Государства, получившие, в среднем, от 1 до 2,5 балла, считаются «свободными», от 3 до 5 - «частично свободными» (ЧС), от 5,5 до 7 баллов - «несвободными» (НС) [19].

Рейтинги *PR*, *CL* и кумулятивный показатель вместе со статусом режима страны в монархиях БВСА в 2005-2010 гг. представлены в *табл. 1* (в 2014-2019 гг. - в *табл. 2*).

Из *табл. 1* видно, что до периода 2011-2013 гг. ближневосточные монархии в своем большинстве были абсолютно политически стабильны, либо их

² Уляма - (здесь) саудовская религиозная элита, являющаяся участником политических процессов в королевстве (прим. авт.).

³ Подробнее о третьем монархе Саудовской Аравии - короле Фейсале - см. монографию А.М.Васильева [30].

Таблица 2

PR/CL в монархиях БВСА (2014-2019 гг.)

Страна	2014	2015	2016	2017	2018	2019
Бахрейн	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)
Иордания (БВСА)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)
Катар (БВСА)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
Кувейт (БВСА)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)
Марокко (БВСА)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/4 (4,5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)	5/5 (5-ЧС)
Оман (БВСА)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)	6/5 (5,5-НС)
ОАЭ (БВСА)	6/6 (6-НС)	6/6 (6-НС)	6/6 (6-НС)	7/6 (6-НС)	7/6 (6,5-НС)	7/6 (6,5-НС)
КСА (БВСА)	7/7 (7-НС)	7/7 (7-НС)	7/7 (7-НС)	7/7 (7-НС)	7/7 (7-НС)	7/7 (7-НС)

Составлено автором по: Freedom in the World. Country and Territory Ratings and Statuses, 1973-2020.

режимы становились более демократичными (ОАЭ с 2005 по 2006 гг.), за исключением трех из них: Бахрейна, Иордании и Кувейта. В Бахрейне и Иордании уровень политических прав снизился, не достигнув максимума, а уровень гражданских свобод остался прежним. При этом обе страны перешли из категории «частично свободных» стран в «несвободные». Эксперты объясняют эту волатильность с решением короля Иордании Абдаллы ибн Хусейна распустить парламент и перенести парламентские выборы на поздний срок, а также с эскалацией уровня преследования оппозиционных политических лиц и дискриминации шиитского большинства элитарной суннитской верхушкой в Бахрейне [17, р. 8].

Ситуация с пониженным уровнем гражданских свобод по сравнению со средним показателем периода в 2010 г. в Кувейте объясняется ограничениями свободы слова и свободы собраний [17, р. 8]. При этом политический режим Кувейта сохранял статус «частично свободной» страны на протяжении шести лет до турбулентности 2011-2013 гг.

Режимы остальных стран абсолютно равно, без колебаний, сохраняют свои позиции в двух категориях: ЧС - Марокко и НС - Катар, Оман, ОАЭ, КСА - на протяжении периода до «арабской весны». Из *табл. 1* очевидно, что политические режимы и уровень свобод в странах региональных подгрупп БВСА разнятся не только по индексам. Страны делятся на следующие две группы режимов: 1) частично-свободных и 2) несвободных монархий БВСА.

Можно ли в этом случае говорить о едином для всех стран «ближневосточном монархическом авторитаризме», который бы однозначно описывал схожесть политических режимов монархий БВСА? Но прежде чем ответить на этот вопрос,

перейдем к статусам режимов монархий БВСА после «арабской весны» и обратимся к *табл. 2*.

Из *табл. 2* следует, что «арабская весна» привела лишь к некоторому изменению в уровнях политических прав и гражданских свобод всех стран БВСА за исключением Катара и Омана. В Бахрейне, Кувейте, Марокко, ОАЭ и КСА в 2014-2019 гг., по сравнению с предыдущим рассматриваемым периодом, кумулятивные показатели индексов свобод упали от 0,5 (КСА) до 1 пункта (Бахрейн). Политическая турбулентность 2011-2013 гг., кульминацией которой стало введение войск КСА и ОАЭ 14 марта 2011 г. в страну, свернула ранее проведенные либеральные преобразования Бахрейна, закрепив его в категории «несвободных» стран с максимально авторитарным показателем по политическим правам до конца 2010-х г. [18].

Главным является то, что других изменений состава категорий «частично свободных» и «несвободных» монархий БВСА не обнаружено. Как и до событий 2011 г., Иордания (до 2009 г.), Кувейт и Марокко стабильно входят в список «частично свободных» стран, когда Катар, Оман, ОАЭ и КСА - в категорию «несвободных».

Исходя из *таблиц 1 и 2*, очевидно, что «арабская весна» 2011-2013 гг. существенно ухудшила ситуацию с политическими правами и гражданскими свободами в монархиях БВСА, при этом не внесла изменений в статус политических режимов этих стран (за исключением Бахрейна). На протяжении обоих указанных периодов в подавляющем большинстве случаев в категории «несвободных» и «частично свободных» стран входят одни и те же монархии.

Поэтому, по нашему мнению, становится сложно говорить о едином «ближневосточном монархическом типе режима» после турбулентности

2011-2013 гг., когда социально-политические реалии и элементарная статистика дают основание говорить (пользуясь терминологией *Freedom House*) о двух группах ближневосточных монархических режимов к 2020 г. - «несвободных» монархиях (Бахрейн, Катар, Оман, ОАЭ и КСА) и «частично свободных» монархиях (Иордания, Кувейт и Марокко).

ПОЛНОМОЧИЯ ВЫБОРНЫХ ОРГАНОВ В КОНСТИТУЦИЯХ МОНАРХИЙ БВСА

Обратимся к тому, как соотносится классификация по уровням политических прав и гражданских свобод с делением указанного списка монархий на «парламентские» и «не парламентские». Логично, что в странах, в чьих конституциях прописано существование представительного органа власти, влияние народа на государственное управление выше, соответственно и режимы либеральнее, чем в тех, где отсутствует народное представительство. В этой связи рассмотрим, в каких странах практикуются такие демократические процедуры, как прямое тайное голосование в представительный орган власти.

По этому критерию упомянутый список стран-монархий БВСА на 2020 г. делится на следующие две группы: с выборным представительным органом (Бахрейн, Иордания, Кувейт, Марокко, ОАЭ) и с однопалатными консультативными советами (Катар, КСА, Оман).

Мы видим, что список этих стран делится на «парламентские» и «не парламентские» почти так же, как и на «частично свободные» и «несвободные» по классификации *Freedom House* на 2020 г. Исключениями являются Бахрейн и ОАЭ, которые имеют двухпалатные парламенты, состав одной из которых избирается тайным голосованием, но при этом на протяжении указанных периодов они классифицируются как «несвободные страны».

Примечательно, что в Бахрейне и ОАЭ динамика уровней *PR* и *CL* на протяжении обоих указанных периодов является отрицательной (см. табл. 1 и 2). Эти тенденции можно связать с наличием или отсутствием законодательной инициативы в руках выборного органа законодательной власти. Так, Национальный совет (далее - Совет) ОАЭ имеет не законотворческий, а консультативный характер. Ст. 89 конституции гласит, что до ознакомления президента с законопроектами они выносятся на обсуждение Совету, который имеет право принимать их, отклонять или вносить коррективы. По ст. 92, Совет имеет право обсуждать все государственные вопросы кроме тех, что противоречат интересам государства. Также международные вопросы выведены из

под компетенции Совета: согласно ст. 91, правительство информирует его о происходящих в этой сфере событиях [15]. При этом о законотворческой инициативе Национального совета ОАЭ ничего не сказано.

В соответствии с ст. 95 конституции Иордании, каждый член верхней и нижней палаты парламента имеет право законодательной инициативы [11]. В Кувейте законодательная власть принадлежит эмиру и Национальной ассамблее, любой член ассамблеи имеет право инициировать закон [12]. В гл. 4, ст. 60 конституции Марокко указывается, что законодательной властью наделена оппозиция, которая является неотъемлемой частью как Палаты представителей, так и Палаты советников, а также осуществляет функции контроля за исполнением этих законопроектов [13].

В результате этого разбора конституций на наличие или отсутствие строчки о законотворческой функции выборного законодательного органа отметим, что все «частично свободные» страны в списке имеют представительный орган с правом законодательной инициативы; нижние палаты «несвободных» монархий этой строчки либо не имеют, либо законотворчество ограничено определенными сферами. Можно сделать вывод: наличие двухпалатного парламента в стране является недостаточным, чтобы относить страну к «парламентской» категории, в то время как наличие парламента с законотворческой инициативой нижней палаты, которая избирается прямым тайным голосованием, позволяет считать страну более либеральной.

Итак, критерий «парламентской» или «не парламентской» монархии - применительно к ближневосточным монархиям - является недостаточно показательным для разделения более либеральных стран от более авторитарных без учета законотворческой инициативы нижней палаты парламента, избираемой путем прямого тайного голосования. В таком случае «парламентские» монархии с законотворческой инициативой в руках выборного органа оказываются более либеральными, нежели «не парламентские».

ОСНОВНЫЕ ВЫВОДЫ

Критерии Р.Лукаса для оперирования концепцией «ближневосточного монархического авторитаризма» после «арабской весны» 2011-2013 гг. являются неактуальными. На наш взгляд, важно учитывать право законодательной инициативы в руках нижней палаты парламента при классификации монархий на «парламентские» и «не парламентские», т.к. при таком раскладе разделение стран работает, и выбранные по «парламент-

скому» критерию страны оказываются более либеральными.

На основании сравнения уровней политических прав и гражданских свобод в монархиях БВСА мы предлагаем оперировать понятиями

ближневосточных «несвободных» монархий и «частично свободных» монархий. К началу 2020 г. в список первых входят Бахрейн, Катар, КСА, Оман и ОАЭ; в список вторых - Иордания, Кувейт, Марокко.

Список литературы / References

1. Ахмадуллин В.В. Анализ интерпретации термина «Ближний Восток» западными авторами. *Власть*. 2014. № 4, с. 128. (Akhmadullin V.V. 2014. Analysis of interpretation of «Middle East» term by Western authors. *Authority*. № 4) (In Russ.)
2. Исаев Г.Г., Сотниченко А.А. Ближний Восток: война и политика. М., 2017. (Isaev G., Sotnichenko A. 2017. Middle East: war and politics. M.) (In Russ.)
3. Махмутов Т.А., Мамедов Р.Ш. Предложения к формированию системы региональной безопасности в Западной Азии и Северной Африке. Российский совет по международным делам. 17.04.2017. (Makhmutov T.A., Mamedov R.Sh. Proposition for formation of regional security systems in Western Asia and North Africa. Russian Council for International Affairs. 17.04.2017) (In Russ.)
4. Сапронова М.А. Основные черты и особенности функционирования политических систем арабских стран. *Политические системы и политические культуры Востока*. М., 2007. (Sapronova M.A. 2007. The main characters and peculiarities of Arab countries political systems functioning. *Political systems and political cultures of the East*. M.) (In Russ.)
5. Трубеццев К.М. Политические системы арабских стран: между авторитаризмом и демократией. *Россия и мусульманский мир*. 2005. № 11, с. 157-173. (Truevtsev K.M. 2005. Political systems of Arab countries: between authoritarianism and democracy. *Russia and Muslim world*. № 11) (In Russ.)
6. Хайек Ф.А. Пагубная самонадеянность. *Ошибки социализма*. М., 1992. (Hayek F. 1992. Pernicious arrogance. *The mistakes of Socialism*. M.) (In Russ.)
7. Bank A., Richter T., Sunik A. 2014. Durable, yet different: Monarchies in the Arab Spring. *Journal of Arabian Studies*. Vol. 4, № 2, pp. 163-179.
8. Bank A., Richter T., Sunik A. 2015. Long-term monarchical survival in the Middle East: a configurational comparison, 1945-2012. *Democratization*. Vol. 22, № 1, pp. 179-200.
9. Bligh A. 1985. The Saudi religious elite (Ulama) as participant in the political system of the kingdom. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 17, № 1, pp. 37-50.
10. Constitution of Bahrain Kingdom (In Arab.). <https://www.wipo.int/edocs/lexdocs/laws/ar/bh/bh020ar.pdf> (accessed 12.04.2020)
11. Constitution of Hashemite Kingdom of Jordan (In Arab.). https://www.constituteproject.org/constitution/Jordan_2016.pdf?lang=ar (accessed 20.04.2020)
12. Constitution of the Kingdom of Kuwait (In Arab.). https://www.constituteproject.org/constitution/Kuwait_1992.pdf?lang=ar (accessed 21.04.2020)
13. Constitution of the Kingdom of Morocco (In Arab.). <https://www.cour-constitutionnelle.ma/ar/%D8%AF%D8%B3%D8%AA%D9%88%D8%B1-%D8%A7%D9%84%D9%85%D9%85%D9%84%D9%83%D8%A9-%D8%A7%D9%84%D9%85%D8%BA%D8%B1%D8%A8%D9%8A%D8%A9> (accessed 12.04.2020)
14. Constitution of the Kingdom of Saudi Arabia (In Arab.). https://nshr.org.sa/wp-content/uploads/2013/10/528_PDF1.pdf (accessed 26.04.2020)
15. Constitution of the United Arab Emirates (In Arab.). https://menarights.org/sites/default/files/2016-12/UAE_Constitution2009_AR.pdf (accessed 21.04.2020)
16. Davidson C. 2013. After the Sheikhs: the coming collapse of the Gulf monarchies. London.
17. Freedom in the World 2010 Complete Book. 2010. *Freedom in the World*. https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-03/FIW_2010_Complete_Book_Scan.pdf (accessed 20.04.2020)
18. Freedom in the World 2011 Complete Book. 2011. *Freedom in the World*. https://freedomhouse.org/sites/default/files/2020-02/Freedom_in_the_World_2011_complete_book.pdf (accessed 12.04.2020)
19. Freedom in the World Methodology. 2020. <https://freedomhouse.org/reports/freedom-world/freedom-world-research-methodology> (accessed 10.03.2020)
20. Herb M. 1999. All in the family: absolutism, revolution, and democracy in Middle Eastern monarchies. Albany.
21. Kechichian J. A. 1986. The role of the Ulama in the politics of an Islamic state: The case of Saudi Arabia. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 18, № 1, pp. 53-71.
22. Lawrence A. 2014. Kings in a Democratic Age: Collective Protest and the Institutional Promise of Monarchy. APSA Annual Meeting Paper.
23. Lucas R. 2004. Monarchical authoritarianism: Survival and political liberalization in a Middle Eastern regime type. *International Journal of Middle East Studies*. Vol. 36, № 1.
24. Owen R. 2014. The rise and fall of Arab presidents for life. Harvard University Press.
25. Said E. 1997. Orientalism reconsidered. *Postcolonial criticism*. Longman, pp. 126-144.
26. Stavestrand E. 2013. Freedom and stability in contemporary monarchies: Testing the theory of monarchical exceptionalism. The University of Bergen.
27. Yom S. 2012. The survival of the Arab monarchies. *Foreign Policy*. 27.04.2012. <https://www.fpri.org/article/2012/04/understanding-the-resilience-of-monarchy-during-the-arab-spring/> (accessed 10.03.2020)
28. Yom S., Gause F. 2012. Resilient royals: How Arab monarchies hang on. *Journal of Democracy*. Vol. 23, № 4, pp. 74-88.
29. Васильев А. М. История Саудовской Аравии (1745 - 1973). М., 1982. (Vasiliev A.M. 1982. Saudi Arabia History (1745-1973). M.) (In Russ.)
30. Васильев А. М. Король Фейсал: личность, эпоха, вера. М., 2010. (Vasiliev A.M. 2010. King Faisal: personality, epoch, faith. M.) (In Russ.)